

Лин Цзыхань виновато улынулся:

— Прости, прости, сначала помнил, а потом отвлёкся на другие дела и забыл.

Лэй Хунфэй ни капли не обиделся и продолжал сиять:

— Ну так как? У меня сегодня день рождения, надо же собраться, придёшь?

Тут Лин Цзыхань наконец вспомнил и сразу ответил:

— Конечно, приду. Где ты?

— В Цзюгуне, в баре «Звуки санскрита», — громко крикнул Лэй Хунфэй, перекрывая шум музыки. — Это самое знаменитое место на здешней барной улице, не пропустишь. Приезжай быстрее, жду.

Лин Цзыхань ответил «Хорошо» и положил трубку.

Лин И, глядя на него, мягко сказал:

— Раз собрался выпить, машину не бери.

Тун Юэ с заботой добавил:

— Одевайся теплее, на улице мороз, не простудись. Да и по дороге будь осторожен, возвращайся пораньше.

Лин Цзыхань рассмеялся, послушно кивнул:

— Ладно.

Лин И тоже позволил себе лёгкую улыбку.

Тун Юэ вдруг смутился, и на его щеках выступил румянец.

Лин Цзыхань натянул лёгкий тёплый свитер и пальто, затем вышел из дома.

Снаружи стоял такой мороз, что, казалось, вода замерзала на лету. Он обладал крепким здоровьем и холода почти не чувствовал.

Выйдя за ворота, он выбрал самый быстрый маршрут: сначала такси до городского вокзала, затем круглосуточный маглев, а в Цзюгуне — снова такси.

Гигантский город спал, лишь яркие фонари мелькали за окном, а неон на высотках продолжал мигать. В вагоне сидело всего несколько человек, все дремали в мягких креслах с высокими спинками.

Лин Цзыхань сидел в пустом вагоне, спокойно глядя на городские пейзажи, стремительно проносившиеся за окном.

С тех пор как Пекин успешно принял летние Олимпийские игры 2008 года, город начал расширяться с невероятной скоростью. Спустя более сорока лет неустанного строительства он превзошёл Токио, став крупнейшим, самым комфортным для жизни и самым дорогим городом на Дальнем Востоке. Разумеется, он сохранил культурные традиции, унаследованные за сотни

лет в качестве столицы центрального правительства Китая, и притягивал к себе бесчисленное множество деятелей культуры всех мастей.

После того как в начале века пекинское правительство переехало на юг, в комплекс «Чжунхуань» на Третьем кольце, южные районы города подверглись масштабной реконструкции. Всего за десять с небольшим лет здесь начал складываться аккуратный и современный городской ландшафт.

Район вокруг Цзюгуна превратился в знаменитую зону баров и развлечений. Улица баров Саньлитунь к тому времени уже была снесена. В отличие от барной улицы в Олимпийской деревне, которую облюбовали иностранцы и топ-менеджеры, южный Цзюгун стал пристанищем для журналистов, художников, музыкантов, неудачливых певцов, звёзд прошлого, моделей, фотографов, писателей, сценаристов, сетевых авторов, продюсеров, дизайнеров и прочих, не говоря уже о множестве мужчин и женщин с неясным родом занятий. Под причудливыми огнями, под звуки самой разной музыки, с бокалами в руках эти люди выходили в ночь. Для обывателей, привыкших к размеренной жизни, этот район был как наркотик — вызывал жгучее любопытство, но отчётливо пах опасностью.

Барная улица в Цзюгуне была отстроена всего несколько лет назад. Узкая улочка, вымощенная старинной голубой плиткой, по обеим сторонам — стилизованные под старину малые терема. Над каждым входом висела вывеска: бары, кофейни, европейские рестораны, чайные. Бары составляли добрую половину.

Едва Лин Цзыхань назвал бар «Звуки санскрита», таксист, не спрашивая адреса, уверенно повёз его туда.

Лин Цзыхань толкнул дверь и вошёл внутрь. Навстречу хлынули волны тепла и шума. Интерьер и музыка были выдержаны в ярком индийском стиле, создавая причудливое ощущение.

Помещение было просторным, но царил полумрак, лишь смутные силуэты мелькали в темноте, и время от времени навстречу попадались явно пьяные молодые люди. Лин Цзыхань ловко уворачивался от тех, кто едва держался на ногах, внимательно оглядываясь по сторонам.

Основной свет был погашен, лишь центральная стойка бара да маленькая круглая сцена в углу освещались жёлтыми прожекторами. На каждом столике горела одна красная свеча. Люди сидели вокруг, поднимали бокалы, и воздух гудел от смеха, визгов и криков застольных игр. Жара стояла такая, что многие обливались потом, скинув одежду до нижнего белья или рубашек.

В баре царил пик веселья. Многие молодые люди, судя по всему, были под действием запрещённых веществ, их возбуждение нарастало, голоса перекрывали музыку. Лин Цзыхань никогда не мог понять: зачем некоторые, имея возможность жить нормально, так безрассудно распоряжаются своей жизнью?

Осторожно пробираясь вперёд, он оглядывался по сторонам и наконец заметил Лэй Хунфэя у дальней стены, после чего направился к нему.

Это место было относительно обособленным — диваны и деревянные шторы символически отгораживали его от остального пространства.

Там собралось много народу, в основном мужчины. Лэй Хунфэй, размахивая бутылкой джина, что-то громко рассказывал, вызывая взрывы смеха.

Рядом с ним на диване сидела молодая женщина с необычной аурой. Она собрала длинные волосы в пучок на затылке, воткнув в него эмалевую шпильку. На ней было бирюзовое шёлковое пальто-короткое, облегающее тонкую, как у змеи, талию. В свете оранжевых свечей она казалась ослепительно, почти вызывающе прекрасной.

В тот момент она курила, слушая болтовню Лэй Хунфэя, и на её лице играла лёгкая улыбка. Лин Цзыхань, естественно, узнал её — это была Юй Цин, главный редактор известного журнала «Следы» и подруга Лэй Хунфэя.

Это культурное издание всего за шесть лет стало международно известным журналом. Внешние критики писали: «Он — яркая точка альтернативной культуры, цитадель индивидуальности, стойко защищающая авангардные, абсурдные и бунтарские культурные территории». Юй Цин стала кумиром подростков с бунтарскими настроениями, а многие деятели культуры провозгласили её борцом.

Вообще, сама Юй Цин обладала уникальной харизмой: была ослепительно красива, остра на язык, обладала острым умом и никогда не шла на компромиссы. Такой редкий союз ума и красоты с лихвой стоил Лэй Хунфэя.

Увидев Лин Цзыханя, Юй Цин убрала сигарету ото рта, улыбнулась и кивнула ему.

Лин Цзыхань в ответ также улыбнулся и кивнул.

Заметив его, Лэй Хунфэй обрадовался:

— Иди сюда! Ты опоздал — штрафная! Как минимум три больших бокала!

Окружающие подхватили:

— Да-да, три бокала!

Кто-то тут же поставил перед Лин Цзыханем огромный стакан. Лэй Хунфэй с размаху опрокинул бутылку, и ароматная жидкость с бульканьем полилась внутрь. Рука у него дрожала, и вино расплескалось по столу.

— Эй, вино дано, чтобы его пили! — кто-то возмутился. — Ты что, совсем транжира?

— Не лезь! — невнятно махнул рукой Лэй Хунфэй. — Я так хочу!

Лин Цзыхань с улыбкой поднял стакан:

— Хунфэй, с днём рождения. — И решительно опрокинул его одним махом.

Лэй Хунфэй хотел налить ещё, но бутылка опустела. Он потряс её и закричал:

— Ещё... одну! Дайте... эрготу!

Сидевшая рядом Юй Цин отвесила ему пинок, свалив на диван:

— Хватит уже буяннить! Это же креплёное, ты что, воду пьёшь?

— Я радуюсь, разве нельзя? А? — с наглой миной спросил Лэй Хунфэй, приближаясь к ней и дыша перегаром.

Юй Цин поморщилась, схватила со стола стакан с водой, собираясь плеснуть в него.

Приятель подскочил и оттащил Лэй Хунфэя:

— Давай, Хунфэй, у тебя же день рождения! Давай на руках!

— Ага! — Лэй Хунфэй тут же оживился и начал с ним игру.

В этот момент кто-то тихо дёрнул Лин Цзыханя за рукав.

Тот обернулся. Перед ним стоял молодой парень с улыбкой, полной солнечного света. Лин Цзыхань улыбнулся:

— Цзюэфэй, и ты здесь?

Нин Цзюэфэй улыбнулся в ответ и кивнул:

— Конечно. Как я могу пропустить день рождения учителя? Многие ребята отпросились, чтобы поздравить шефа. Садись, брат Лин.

Он подвинулся, кое-как освободив местечко. Лин Цзыхань сел.

Музыка гремела оглушительно. Нин Цзюэфэй наклонился к его уху и крикнул:

— Брат Лин, это вино очень крепкое! Ты пьёшь слишком быстро, это вредно!

<http://bllate.org/book/16287/1468535>